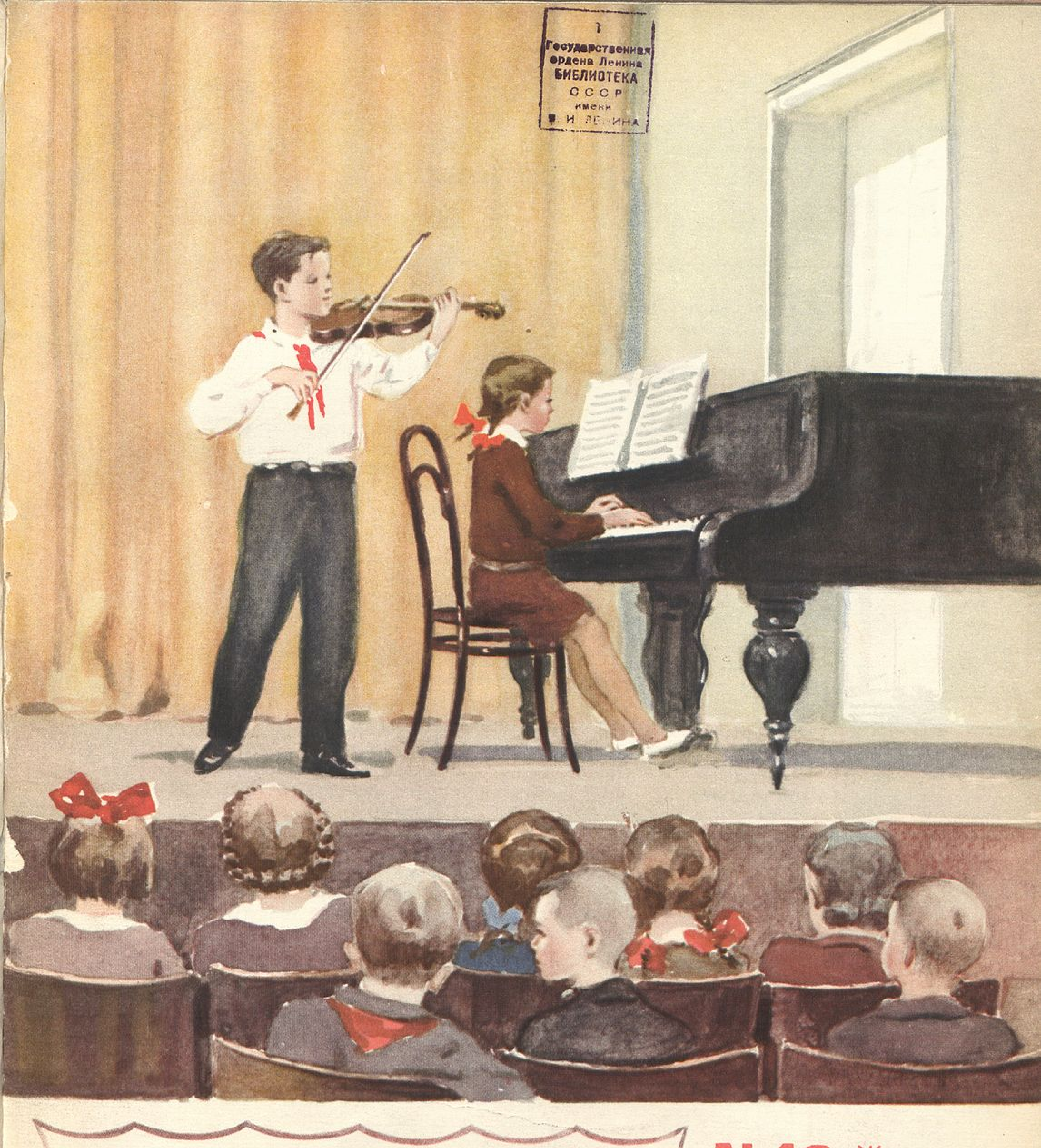

МУРЗИЛКА

N·10
ОКТЯБРЬ
1950

ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ
МЛАДШИХ
КЛАССОВ

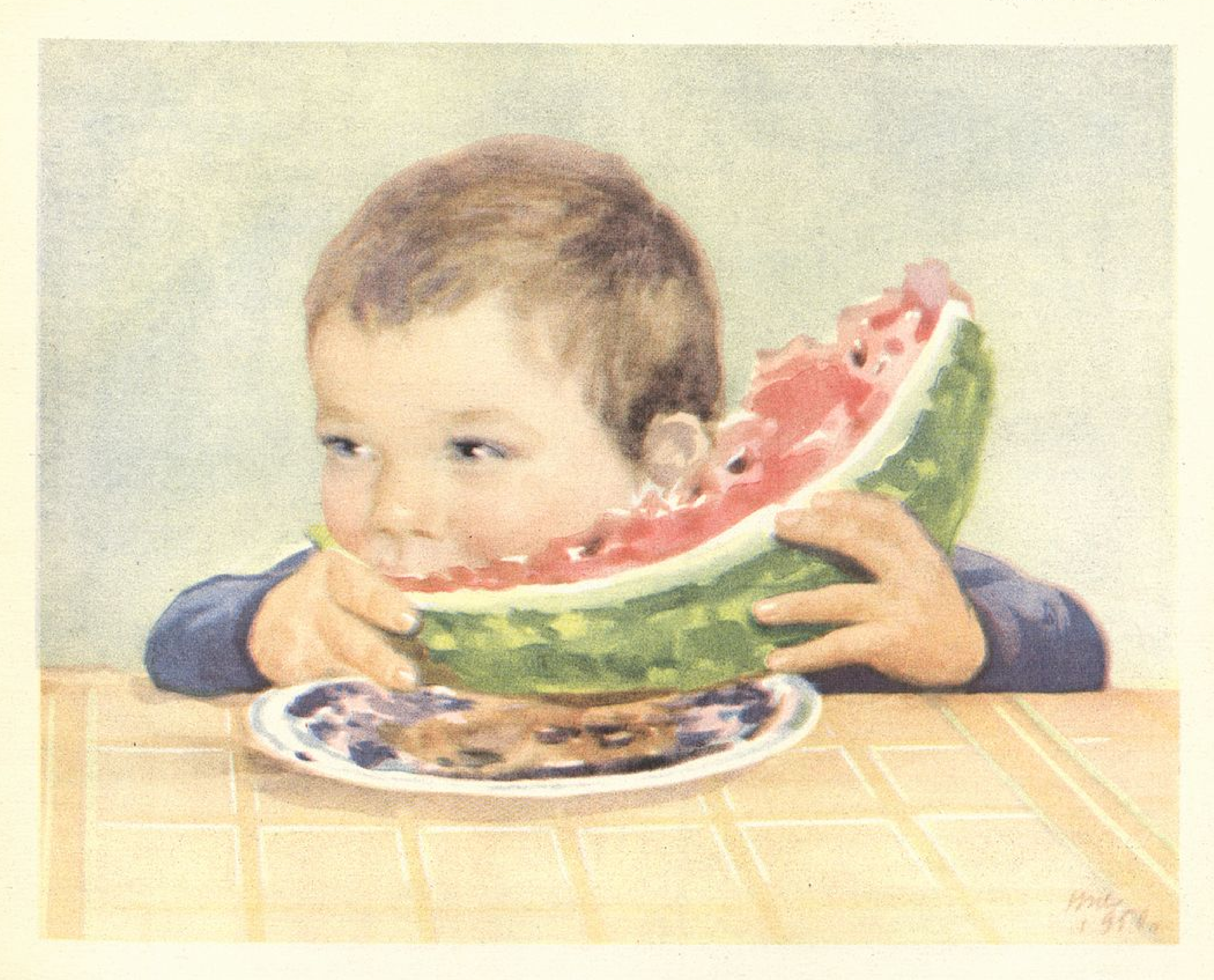

Андрей ДОСТАЛЬ

ПЕСНЯ О МИРЕ

Мы никогда не забудем
Тех,
Кто погиб на войне.
Гордые,
Смелые люди
Жизнь отдавали в огне!
Сталь и чугун мы плавим,
В тундре встают
Города.
Родину нашу славим
Радостной песней
труда!
Вот оно,
Поле боя, —
Саженцы встали стеной...
Живы
Матросов и Зоя,
Уля
и Кошевой.
Лиза и Саша Чекалин, —
Сколько их,
Вечно живых!
Помнит народ и Сталин
Юных героев своих.
Молоды и крылаты,
С нами они в строю,
Знают их все ребята,
Песни о них
Поют.
Нам завещали
Герои
Смело бороться и жить.
Петь, и учиться, и строить,
Землю родную
Хранить.
Гордому
Красному знамени
Молодость наша
Верна,
В подписях под Воззваньем
Наши и их имена.
В мире сейчас неспокойно,
Тёмные тучи ползут.
Бредят банкиры войнами,
Танки и пушки везут.
Но никаким батареям
К миру путей не закрыть.
Бьёт их народ Кореи,
Хочет свободным быть.
Встали простые люди,
Молоды и сильны,
И говорят:
— Не будет!
Вам не разжечь войны!
Высятся
Светлые зданья,
Люди на вахту
Встают.
Подписи под Воззваньем
В каждой стране растут.
Против угрозы атомной
Новые встали борцы, —
Школьники
И солдаты,
Матери и отцы.
Волны борьбы — всё шире,
Сила народов —
Крепка.
Мир сохраняет в мире
Сталинская
Рука.
...Звёзды горят на башнях,
Свет их идёт далеко.
Милая
Родина наша,
Славься
Во веки веков!

Рис. Н. ЖУКОВА

Вот какой у нас арбуз,
Замечательный на вкус!
Даже нос и щёки
Все в арбузном соке.

Где ж поспел арбуз такой,
Как варенье, сладкий?
Не у нас ли под Москвой
На колхозной грядке?

Угадали! Наш арбуз
Вырос в Подмосковье.
Сочен. Сладок он на вкус.
Ешьте на здоровье!

З. Александрова

Сергей **БАРУЗДИН**

Рис. **Е. АФАНАСЬЕВОЙ**

ПЕРВЫЕ БУКВЫ

Зинаида Фёдоровна приготовила малышам подарок: новую игру в буквы. Это были не кубики, не разноцветные картинки, и вообще новая игра не лежала в коробке, как все обычные игры. И играть в неё могли сразу все двадцать мальчиков и девочек.

Ребята построились в линейку, а Зинаида Фёдоровна стала спрашивать, кого как зовут.

— Боря, Лена, Алёша, Володя, Люся, Женя, Светлана, — называли малыши свои имена.

— Теперь, — сказала Зинаида Фёдоровна, — каждый из вас будет одной буквой алфавита. Алёша — буквой «А», Боря — буквой «Б», Володя — «В», Гриша — «Г»...

— А я? — не дождавшись, пока Зинаида Фёдоровна дойдёт до неё, спросила Светлана. — Какой буквой буду я?

— Ты, Светочка, будешь буквой «С».

Алёша встал первым, рядом с ним встал Боря, за ним Володя, Гриша, Дуся... Рядом с Дусей встала Лена, потому что это было её сокращённое имя, а полностью её звали Еленой Васильевной; за ней Женя, Зина, Ира, Клава... Почти все буквы построились в ряд, и получился настоящий алфавит.

Стали ребята из букв слова составлять. Миша, Алёша, Маруся, Аня — «мама». Петя, Алик, Павлик, Аня — «папа».

Все малыши шумят, бегают, каждый своё место в новом слове ищет.

— Так мы с вами все буквы выучим,— говорит Зинаида Фёдоровна, — а скоро и читать и писать научимся.

Интересную игру она придумала!

Только Светлана недовольна, что без дела стоит.

— Я тоже хочу в слово встать!

Тогда Зинаида Фёдоровна выстроила в ряд Митю, Олю, Свету, Колю, Валю и Алёшу.

— А ну-ка, какое слово у нас получилось? — спрашивает.

— Москва, Москва! — хором закричали малыши и захлопали в ладоши.

Светлана стояла в линейке третьей. Стояла счастливая и довольная: вот для какого слова пригодилась её буква!

КОГДА НЕ БЫВАЕТ СКУЧНО

Ребята поиграли и пошли гулять. Только одна Светлана осталась в группе.

— Ты сегодня кашляешь, тебе нужно посидеть дома, — сказала Зинаида Фёдоровна. — Поиграй, а мы скоро вернёмся.

Постояла Светлана среди комнаты, посидела на стуле, походила из угла в угол, и скучно ей стало. На улицу хочется!

— Вовсе я и не кашляю. И чего это меня гулять не взяли?

Пришла няня — тётя Даша. Стала прибирать в комнате. Нужно кубики собрать, по кроваткам разложить кукол, поставить на полки книжки, накормить рыбок и птиц, напоить цветы водой. Много дел у тёти Даши, никак одной быстро не управиться! Тётя Даша уже старенькая, давно в детском саду работает.

— Я помогу, — говорит Светлана. — Давайте вместе работать.

И они стали работать вместе. Светлана собирает кубики, а тётя Даша подметает пол. Света пеленает кукол, а тётя Даша поливает цветы. Света кладёт на полки книжки, а тётя Даша кормит рыбок.

— Скорей! — говорит Светлана. — А то не успеем!

— Скорей! — говорит тётя Даша. — Нужно всё до прихода ребят убрать!

Тикают часы на стене, бегут стрелки: пять, десять, пятнадцать минут... Время летит быстро, а работа вдвоём спорится ещё быстрей.

Только тётя Даша со Светланой кончили уборку, как на улице пошёл дождь и все ребята прибежали домой.

Вошли к себе в группу, посмотрели: кубики сложены, куклы в кроватках лежат, книжки собраны, рыбки накормлены, пол подметён, и стулья по порядку расставлены. Чисто в комнате, уютно, хорошо!

— Это вы, тётя Даша, всё так убрали? — спрашивают.

А тётя Даша посмотрела на Светлану и говорит в ответ:

— Вот кому спасибо! Это она мне помогла. Без Светланы никак бы мне одной так быстро не управиться!

— Ну как, тебе не скучно было? — спрашивает Свету Зинаида Фёдоровна.

— Нет, не скучно! — отвечает Светлана. — Мы с тётей Дашей работали!

МАМИНА РАБОТА

Каждое утро, когда Светлану приводили в детский сад, мама и папа шли на работу. Каждый вечер, когда Светлану уводили из детского сада, она знала, что мама и папа уже пришли с работы.

Они так и говорили:

— Мы идём на работу.

— Мы пришли с работы...

— А что такое работа? — спрашивала Светлана. — Я тоже хочу на работу.

— Твоя работа — это детский сад, — говорил ей папа. — Слушайся Зинаиду Фёдоровну, хорошо кушай, играй — вот твоя работа.

Но Светлана не унималась. Ей очень хотелось посмотреть на настоящую работу, и она всё время просила маму:

— Возьми меня с собой!

Как-то раз мама пришла за Светой в детский сад раньше обычного. Они поговорили о чём-то с Зинаидой Фёдоровной, а потом мама сказала:

— Ну, Светик, одевайся. Пойдём смотреть мою работу.

Они вышли во двор, потом на улицу, спустились в метро и уже через несколько минут были на другом конце города.

Здесь в зелени молодых деревьев стояло большое красное здание. Мама провела Светлану через красивые железные ворота, и они пошли по просторному двору к дверям дома.

— Это что? — спросила Светлана.

— Это, доченька, фабрика, где я работаю, — сказала мама.

— А у тебя какая работа, красивая?

— Хорошая, интересная работа, — ответила мама. — Сейчас мы пойдём с тобой прямо в наш цех, и я тебе всё покажу.

Когда они вошли в цех, Светлана сначала растерялась. Она никогда ещё не видела таких огромных комнат со стеклянной крышей. Повсюду рядами стояли машины, и все они так шумели и тарахтели, что ничего не было слышно. Мама подвела дочку к одному станку, и тут Светлана вдруг увидела, как из него широкой бесконечной лентой тянулась разноцветная материя.

— Вот здесь я и работаю, — услышала Светлана сквозь шум мамины слова. — Мы делаем здесь материю, из которой потом шьют ребятам красивые платья.

— А это что? — вдруг спросила Света и показала на маленький красный флажок, прикреплённый к вершине станка.

— Такие красные флажки дают тем работницам, которые хорошо работают, — сказала мама. — А у нас в цехе все хорошо работают.

Светлана посмотрела на другие станки и увидела, что на них тоже развеваются красные флажки.

— И я хочу такой флажок и машину тоже, — сказала Света.

— И тебе, доченька, обязательно дадут такой флажок, когда ты вырастешь и будешь хорошо работать.

Долго они ещё ходили по цеху, смотрели на чудо-станки, на большие тюки материи, которые сами плыли на длинной ленте конвейера в соседний зал, где их упаковывали в бумагу и грузили на машины. Повезут её во все концы страны, чтобы пошить для ребят много новой красивой одежды!

Рис. А. РОМОДАНОВСКОЙ

ОНИ И МЫ

Они готовят новую войну,
И бомбой атомной они грозят народам,
А мы растём спокойно в вышину
Под нашим светлым, мирным небосводом.

Сергей МИХАЛКОВ

Анатолий **АЛЕКСИН** | *Рис.* **Ю. КОРОВИНА**

ЗА ГОРАМИ ГИМАЛАЯМИ

Далеко-далеко, за высокими горами Гималаями, лежит страна Индия. Круглый год там жарко печёт солнце. И поэтому кожа у жителей этой страны коричневая, с золотым отливом.

Горы Индии богаты драгоценными камнями, золотом и редкими металлами. В густых лесах, которые называются джунглями, много диковинных растений. Земли в Индии плодородны и могли бы давать большие урожаи.

Но народ Индии очень беден, потому что хозяйничают в Индии белые люди из чужих стран — Англии и Америки.

...В далёкой стране Индии жил мальчик по имени Чандра. Он жил в маленькой деревушке, недалеко от большого города Калькутты.

Чандре было девять лет, и он должен был бы учиться в школе. Но он не учился в школе.

Чандре было всего девять лет, и он мог бы ещё играть с друзьями в весёлые игры, купаться в речке и гулять в лесу. Но он не играл в весёлые детские игры, не купался в речке и не гулял в лесу.

С восхода и до заката солнца Чандра работал на рисовом поле. А это нелёгкая работа! Целыми днями мальчик стоял по колено в воде, пиявки впивались ему в ноги. Это было очень больно.

Чандра должен был работать, потому что семья его была очень бедная. И только маленькое рисовое поле спасало её от голода и смерти.

Отец Чандры был не старым человеком, но горе так согнуло его, что он казался стариком.

Особенно тяжело пришлось отцу однажды весной. Сильно заболела маленькая сестра Чандры. А чтобы вызвать врача, нужны были деньги. Когда сестрёнка

лежала на соломе, заменявшей кровать, в бедную хижину вошел слуга помещика. Он требовал, чтобы отец Чандры отдал помещику старый долг. Но для этого тоже нужны были деньги.

— Зачем вы кричите? Разве вы не видите, что девочка больна? — тихо сказал отец.

Но слуга начал кричать ещё громче, потому что он пришёл от богатого помещика и ему не было никакого дела до маленькой бедной девочки.

И вот тогда-то в деревне появился человек, который приехал из большого города Калькутты. Все называли его «торговцем». У него была тоже коричневая кожа. Но он совсем не был похож на крестьян, которых каждый день видел Чандра. Торговец был очень толстым. Он не ходил, а переваливался из стороны в сторону. А крестьяне были худы, как щепки.

— Я куплю у тебя рис, — сказал торговец отцу Чандры.

— Но у меня ещё нет риса. Он созреет только через несколько месяцев. А деньги мне нужны сейчас, — ответил отец.

— Я дам тебе деньги сейчас. А за рисом пришлю, когда он созреет.

Отец обрадовался, потому что ему очень нужны были деньги.

— Сколько мер риса ты соберёшь со своего поля? — спросил торговец.

Отец ответил.

— Я куплю у тебя половину будущего урожая, — сказал торговец и начал отсчитывать монеты.

Чандра не учился в школе. Но он умел считать до двадцати. И он понял, что торговец даёт отцу три маленькие монеты за каждую меру того риса, которого ещё не было.

В ту минуту торговец показался Чандре очень добрым человеком.

Деньги были нужны не только отцу Чандры. Они нужны были в каждой бедной крестьянской хижине. И все крестьяне продали торговцу половину своего будущего урожая.

...Лето того года было жаркое и сухое. Ни одна капля дождя не упала на землю. Это было очень плохо, потому что рис не может расти без воды.

И когда кончилось лето, на маленьком поле созрело риса вдвое меньше, чем ожидал отец Чандры.

Вскоре снова приехал торговец. Он забрал у отца Чандры столько мер риса, сколько купил весной. А это был весь урожай. И ни одного зёрнышка не осталось в бедной хижине. Не осталось риса и у других крестьян. Нечего было есть. В деревне начался голод.

Каждый день умирали люди. Умер отец Чандры, умерла его мать.

Соседи приютили маленькую сестрёнку,

а Чандре посоветовали пойти в большой город Калькутту.

— Может быть, там помогут, — говорили люди.

Сестрёнка крепко схватила Чандру за руку.

— И я с тобой!.. И я с тобой!.. — плача, повторяла она.

Но разве можно было взять маленькую девочку в неизвестный путь?! И Чандра отправился в Калькутту один. Два дня шёл он по пыльной дороге, изнемогая от жары, голода и жажды.

Но и в Калькутте мальчику никто не помог. Богатые люди даже не смотрели в его сторону, а бедные сами голодали.

Однажды, проходя по базару, Чандра услышал знакомый голос. Он повернул голову и замер на месте. За прилавком,

заваленным продуктами, он увидел того самого толстого торговца, который приезжал к ним в деревню.

За спиной торговца прохаживался белый человек, которого все называли англичанином. И сам толстый торговец, разговаривая с ним, низко кланялся. И Чандра понял, что этот белый человек здесь самый главный и ему принадлежат продукты, лежащие на прилавке. Чандра видел, как к прилавку подходили люди. Они покупали рис и бросали на прилавок маленькие монеты.

— Я ничего не хочу стащить, — тихо ответил Чандра. — Я хочу только поднять то, что упало...

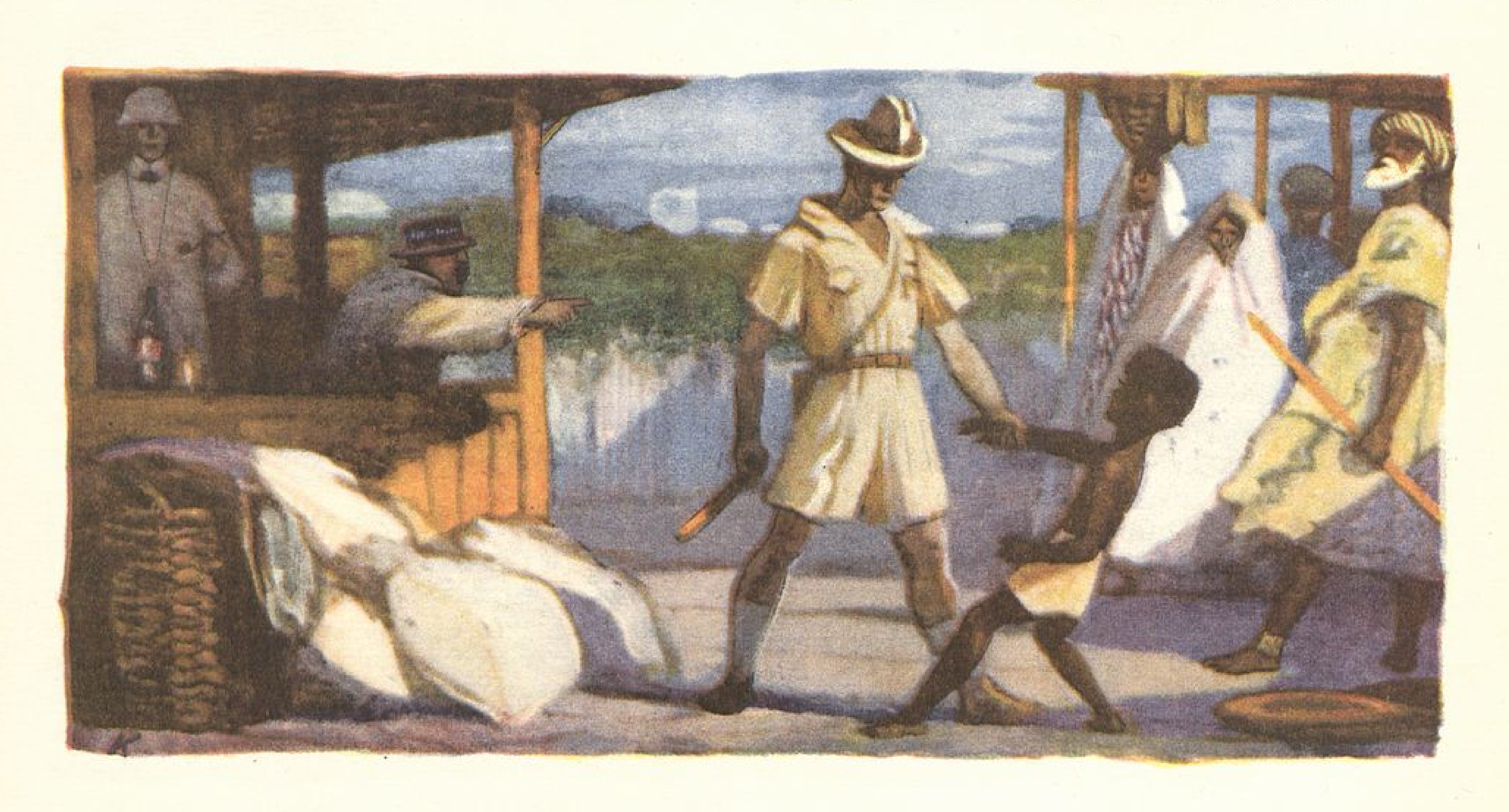
— Проваливай отсюда!.. — крикнул англичанин.

Чандра не двинулся с места.

— Но ведь это наш рис. Мы с отцом высаживали его. И мы его собирали... — так же тихо сказал он.

Англичанин побледнел от злости, и глаза у него чуть не вылезли на лоб.

— Ах, ты вздумал рассуждать?!. —

Чандра не учился в школе. Но умел считать до двадцати, и он понял, что за каждую меру риса люди платят по пятнадцать маленьких монет. По пятнадцать, а не по три, как платил отцу этот толстый торговец!..

Вдруг Чандра увидел, что несколько зёрнышек риса упало на землю. Он хотел поднять эти зёрна.

Но англичанин грубо крикнул:

— Что тебе нужно здесь, щенок? Ты хочешь стащить что-нибудь?

заорал он. — Эй, полицейский! Проучи-ка этого щенка!

И по приказу того самого англичанина, из-за которого умер отец Чандры и умерла его мать, полицейский схватил мальчика и потащил его в сторону.

По пути он осыпал Чандру ударами своей резиновой дубинки.

Мимо проходили люди. Но никто не мог помочь Чандре, потому что в далёкой стране Индии хозяйничают жестокие люди из чужих стран — Англии и Америки.

Валентина СТРУКОВА,
Владимир ШЕВЧЕНКО

Рис. В. БИБИКОВА

УРОЖАЙ МОРЯ

О СВЕЧАХ И РЫБАХ

Рано утром мы вышли из автобуса на берегу узкой бурной реки. Быстро мчится она к морю с высоких гор, размывает и несёт с собой красную глину.

В столовой рыбацкой бригады из окна было видно, как волны прыгают по камням Река была похожа на шалуна с рыжими всклокоченными космами.

Рыбаки уже завтракали перед работой. Нам тоже подали что-то похожее на жареных... змеек! Можно было даже немного испугаться. Но эти круглые, длинные змеи-палочки так вкусно пахли, такая поджаристая на них была корочка!..

— Очень вкусно!.. — сказали мы бригадиру рыбаков Мураду Арслановичу. — А какая у вас здесь ловится рыба?

Бригадир молча вытащил из шкафа странную тёмносерую палку с закруглёнными концами и чиркнул спичкой. Палка загорелась, зашипела, затрещала, и от неё во все стороны полетели горящие брызги — прямо маленький салют.

Было непонятно, почему бригадир показывает эту удивительную свечу вместо рыбы. А Мурад Арсланович хитро посмотрел на нас и сказал:

— Специально для приезжих сушу. Ну, пошли на тоню! Там всё объясню.

Тоня — это место, где ловят рыбу. Рыбаки ехали на моторной лодке поперёк реки и протягивали в воде от одного берега до другого верёвочную сетку — невод.

Перегородив всю реку, рыбаки повернули обратно. Невод стоял теперь под водой вроде буквы «Л». А на берегу закрутилась, загудела большущая катушка — электрическая лебёдка. Верёвка, привязанная к концу невода, наматывалась на лебёдку и тащила невод из реки. Рыбы скользили по сетке, вертелись, прыгали в неводе — видно, хотели сбежать.

Но не тут-то было! Лебёдка остановилась, рыбаки быстро нагнули набок стоявшую у берега другую лодку, поменьше, подхватили невод и вывалили в лодку свою добычу. У нас прямо зарябило в глазах. Рыбы подпрыгивали, махали хвоста-

ми, а их чешуя блестела на солнце, как серебряная.

От тяжести рыб лодка села поглубже в реку, и в неё через прорези в бортах полилась вода. Лодка сделалась похожа на пловучий деревянный аквариум: в ней теперь чуть не доверху плескалась вода, и рыбы смешно толкались носами в борта, а уплыть не могли.

Рыбаки стали укладывать невод на свою моторку, чтобы опять забросить его в реку. А лодка с рыбой уехала на рыбный завод.

Раньше чем она уехала, Мурад Арсланович выбрал из улова нескольких, как нам показалось, змеек и положил их на берег. Они извивались на песке и тоненько пищали.

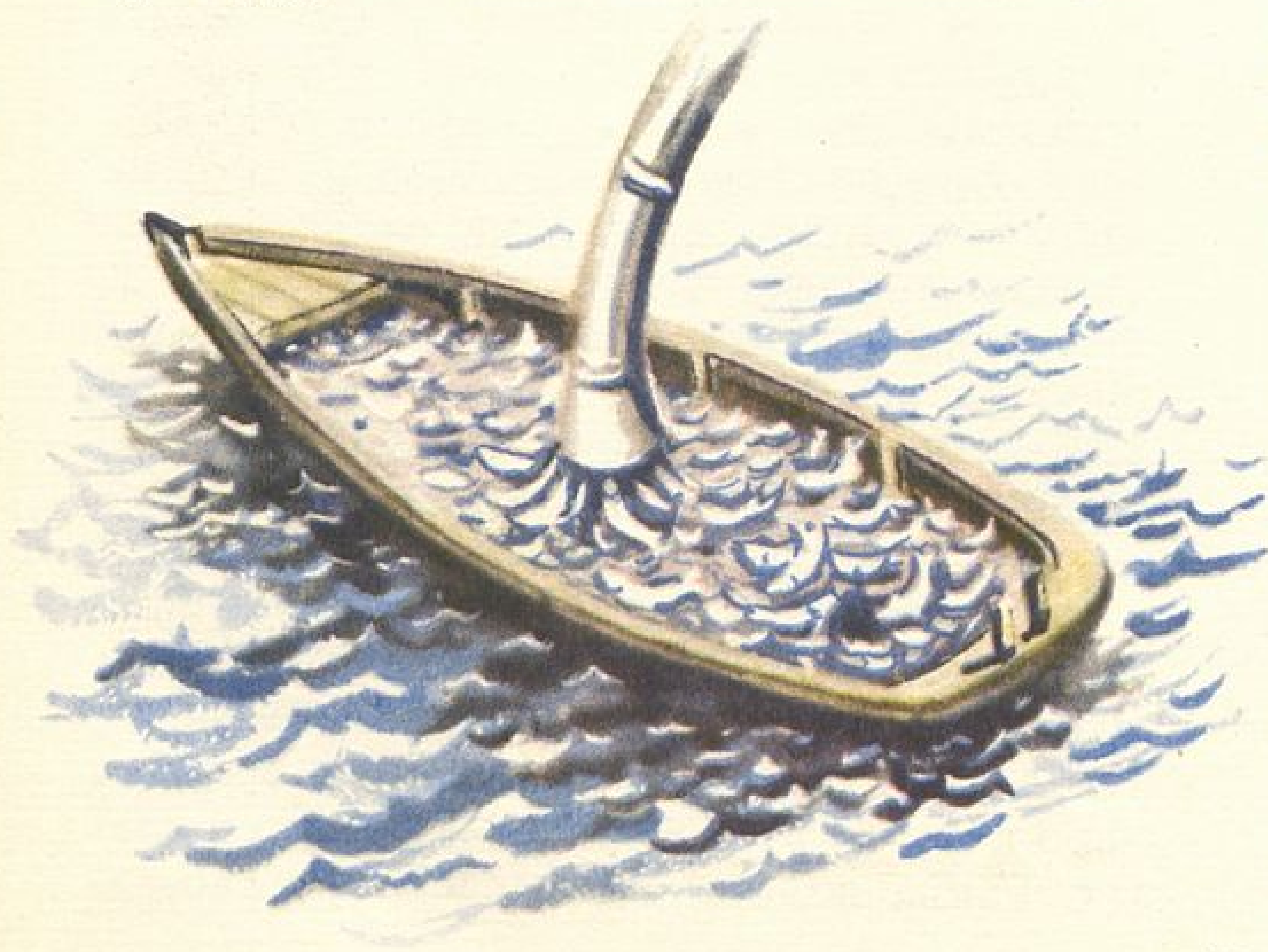
— Миноги! — сказал Мурад Арсланович и кинул рыб в уходившую лодку. — Этих рыб когда-то давно так и называли водяными змеями и боялись их есть, совсем как вы сначала за завтраком. Но знали, что в миногах много жиру. Их сушили и употребляли вместо свечей.

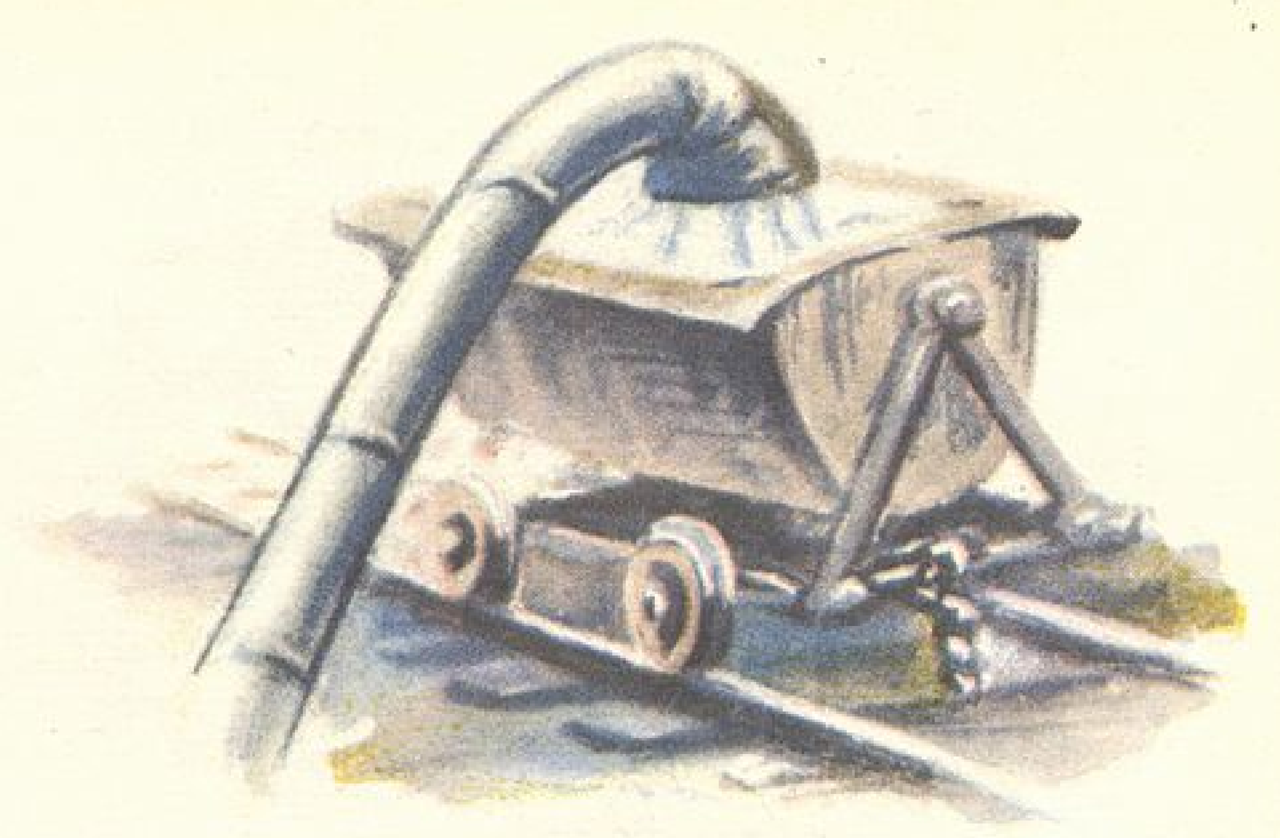
— А теперь? — спросили мы.

Один рыбак улыбнулся и сказал:

— Зачем сушить? Теперь у нас дома электричество есть — на что нам свечи? Миног мы жарим. Масла не надо — такие они жирные. Ещё наш рыбозавод теперь делает из миног превкусные консервы в стеклянных банках. Пятилетний план мы перевыполнили.

— Это значит — наловили рыбы куда больше, чем народ приказал, — пояснил бригадир. — Много поездов с нашей ры-

бой и консервами поехало по всей стране — в города, в колхозы.

А рыбак ещё сказал:

— Рабочие всех заводов стараются сделать для советских людей больше, чем им велено. Вот и рыбные заводы готовят побольше консервов, свежей, мороженой, копчёной, солёной рыбы, всяких маринадов. Даже рыбья чешуя, хвосты, внутренности, кости идут в дело. Из них делают разные нужные вещи: клей, костную муку, которой кормят скот, удобрения для полей...

Вдруг что-то большое, бело-синее, сверкающее на солнце выскочило из реки, пролетело мимо и, обрызгав нас водой, шлёпнулось в волны.

— Лосось к деду Морозу летит-торопится! — рассмеялись рыбаки.

Мы удивились. Лосось — рыба. Как же она летит? И к какому это деду Морозу?

— Когда лосось идёт метать икру, он очень спешит, — сказал бригадир. — Отмель по дороге или камень — он их обогнуть не хочет: так и перепрыгивает. Живёт лосось в море, а класть икру плывёт в реку. Лососята вылупливаются из яичек-икринок тут, в реке, а потом уплывают в море.

— А дед Мороз? — спросили мы.

— А вот видите — катер подходит? — был нам ответ.— Садитесь скорей. Он вас прямёхонько к деду Морозу и довезёт.

В МОРОЗНОЙ СТРАНЕ

По дороге катер всё время вилял между берегами: ему то и дело приходилось обходить неводы разных тонь. Потом он причалил к крытой деревянной пристани. За ней стоял главный дом рыбного завода.

Мы просто не знали, куда смотреть, — столько кругом делалось всякого дела.

Пристань была предлинная, и сюда от тоней одна за другой подъезжали лодки — пловучие аквариумы.

Только лодка причалила к пристани, в неё опускали толстенный шланг — рыбный насос. А на пристани уже стояла наготове электрическая вагонетка—маленький вагончик без крыши и с полукруглым дном. Верхний конец шланга свешивался в вагонетку, мотор посредине шланга всхрапывал, и — хлюп! — не успевали вы оглянуться, как вода и рыба из лодки прямо так и взвивались-мчались в шланг, проскакивая насквозь, и выплёскивались в вагонетку. Вода выливалась из отверстий в дне и стекала обратно в реку, вагонетка с рыбой двигалась, а на её место мигом подъезжала пустая. А по дороге рыбу в вагонетке ещё прополаскивали чистой водой.

Мы пошли за одной вагонеткой, чтобы посмотреть, куда девается рыба. Водитель вагонетки стоял на маленькой площадке, держал руль, и вагонетка быстро катилась вперёд. Мы не спускали с неё глаз.

— Эй, осторожно! — закричали сбоку.

Мы вздрогнули и попятились. Мы стояли на самом краю широченного круглого колодца. Рабочие всё время опрокидывали рыбу из подходивших вагонеток в колодец и засыпали её солью. Это был чан для засола. Сюда помещался сразу целый вагон рыбы. Таких чанов на заводе было штук двадцать.

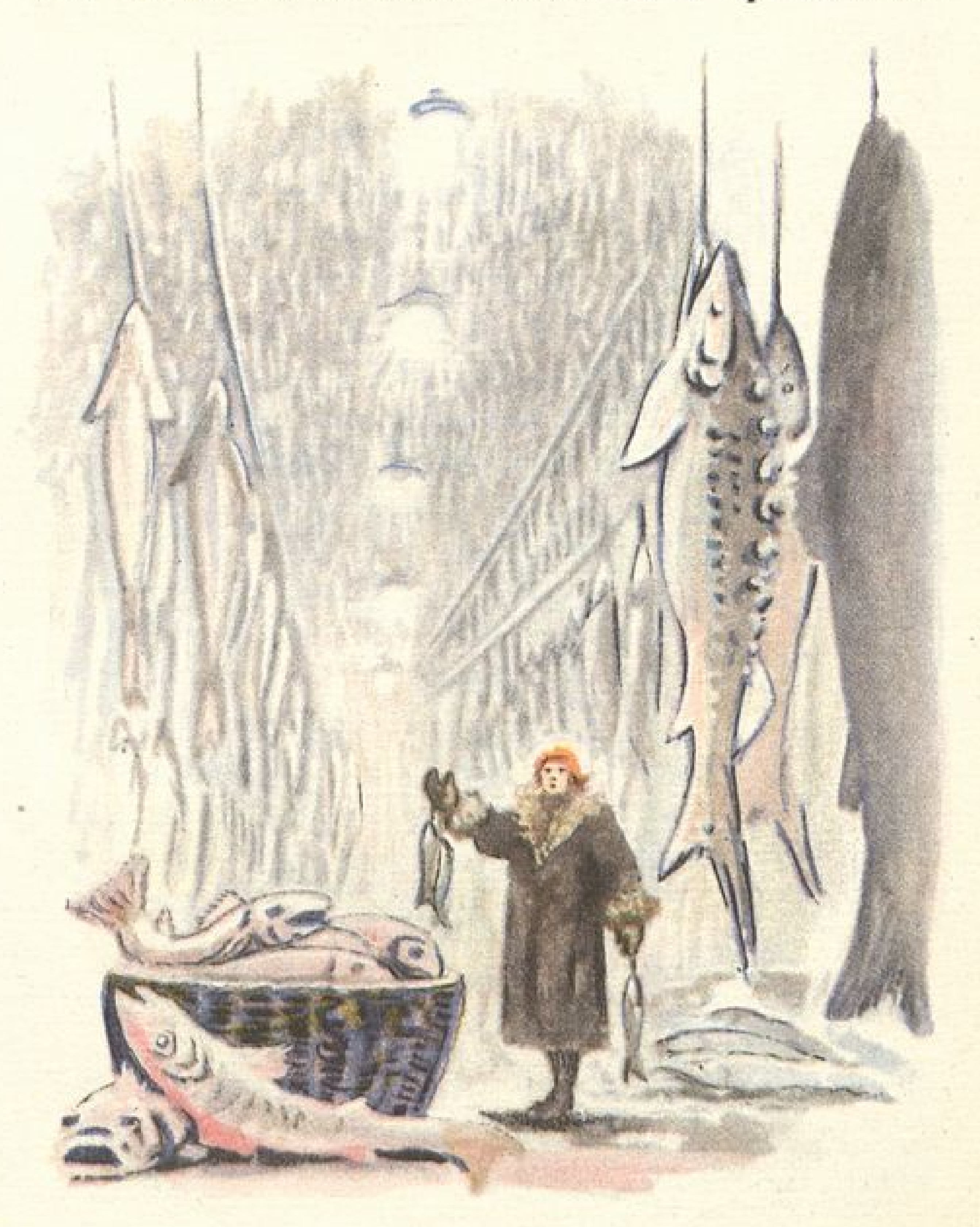
— Хотите побывать в гостях у деда Мороза? — спросил нас директор завода. — К вам в Москву дед Мороз приходит в гости только раз в год, на ёлку. А у нас здесь есть Морозная страна, где вы сами можете его навестить, когда хотите: летом и зимой, осенью и весной.

Дед Мороз на юге? Летом и зимой? Вот так штука! Мы подошли к высокой, сбитой войлоком двери. Из-под двери дул холодный ветер, а около неё висело несколько шуб и полушубков. Директор надел большую шубу, мы тоже.

Дверь открылась... Ох, и в самом деле это была Морозная страна!

В этом большом зале совсем не было окон, и поэтому он был похож на пещеру, только освещённую множеством электрических огней. Огни, сверкая, отражались в сосульках, свешивавшихся с потолка. На стенах цвели причудливые мохнатые цветы с острыми лепестками. Цветы то казались белыми, то отсвечивали розовыми, синими, жёлтыми блёстками — ну, конечно, это был просто иней.

А по всему залу-пещере стояли, висели и лежали несметные сокровища здешнего деда Мороза. С крюков свисали огромные серо-белые туши рыб белуг, ростом больше каждого из нас. Лососи с красивыми

синими и голубыми спинками и белыми брюшками, которых мы по дороге видели спешащими к деду Морозу, теперь спокойно лежали здесь, покрытые тоненькой сверкающей корочкой льда. Большие круглые корзинки были переполнены толстыми откормленными сазанами. Судаки, казалось, удивленно таращили на нас свои водянистые глаза и задорно топорщили плавники. Всё это было замороженное и твердое, как камень.

— А вот и наш дед Мороз! — подмигнул директор.

Как и полагалось деду Морозу, он был одет в полушубок и отороченную мехом шапку. Только у него не было бороды, лицо было молодое и улыбающееся, а из-под шапки высовывались-свисали... две блестящие толстые чёрные косы! Это была девушка Мороз!

— Богато живём, верно? — спросила она. — Мы теперь можем хранить, что хотим и сколько хотим. Новую холодильную машину поставили.

Это была начальница Морозной страны — страны, которая называлась холодильником. А машина, про которую девушка говорила, нагоняла холод сюда, в зал. В этих местах почти весь год тепло, и рыбу надо держать в искусственном холоде, чтобы она не испортилась.

— Вот расширяем холодильник, — сказала девушка Мороз. — Всё новые рыбы в наших местах появляются. Слыхали, как учёные привезли кефаль из другого моря в наше? Рыбке и у нас понравилось: теперь её тут развелось видимо-невидимо. Да, урожаи у нас хорошие и зимой и летом. Где-нибудь на севере уже зима, снег, рыба подо льдом спит, а у нас она на воле прыгает.

— Как это урожаи? — переспросили мы. — Урожай, мы знаем, собирают с поля. Урожай — это пшеница, рожь, лён, картошка. А тут одни рыбы!

— Моря и реки тоже приносят урожаи-уловы, — сказала начальница холодильника. — А чтоб урожай был побольше, советские люди даже засевают море.

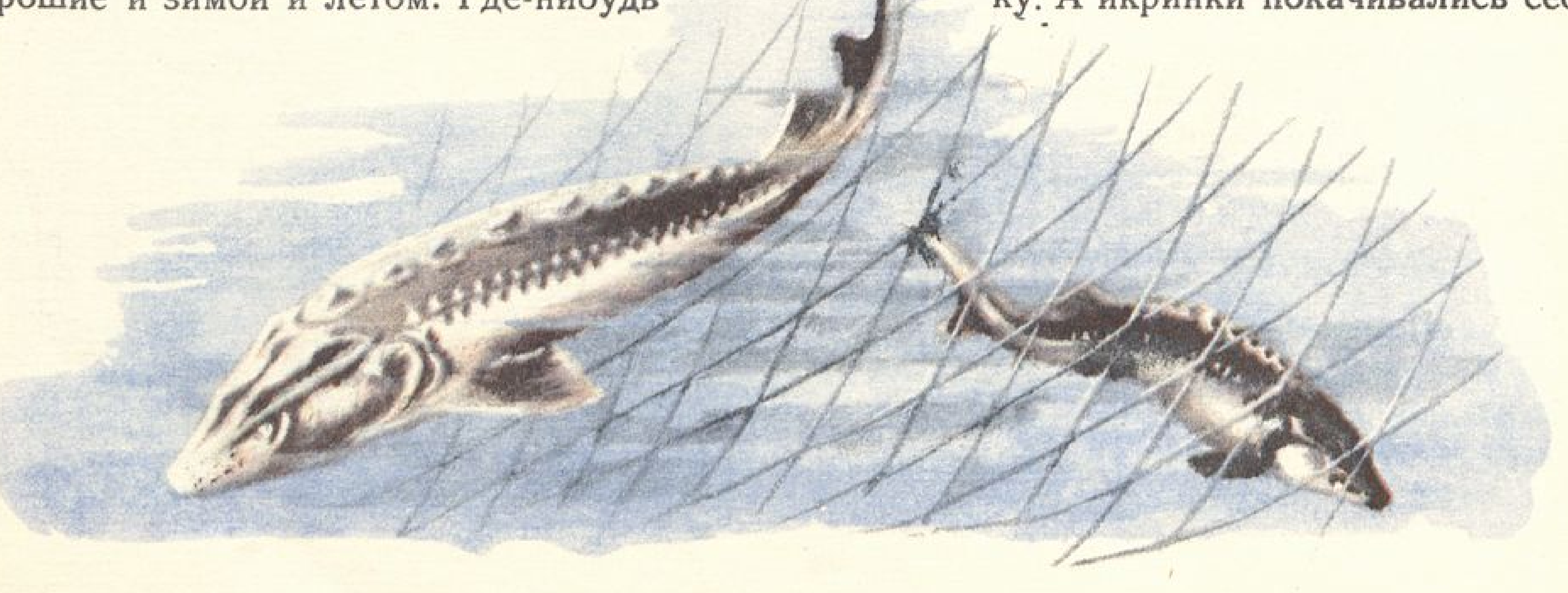
Засевать море? Так море ведь просто вода! Но девушка Мороз сказала, что такой посев можно увидеть совсем недалеко отсюда, на научной рыбоводной станции.

КАК ЗАСЕВАЮТ МОРЕ

Через несколько месяцев, весной, мы посетили здешнюю рыбоводную станцию. Перед розовым домиком мы увидели врытые в землю большие деревянные ящики и цементные бассейны, вроде тех, из каких брызжут фонтаны.

Научный работник станции показал нам маленькие деревянные ящички, на которых вместо крышки была натянута густая металлическая сетка. В эти ящички клали рыбью икру — от севрюг и осетров. Ящички относили на реку, к ним снизу привязывали прочную верёвку. А к другому концу верёвки привязывали якорь — острую металлическую лапу. Якорь вонзался в дно реки и крепко держался на месте.

Теперь ящичек с икрой плавал в реке, но никуда не мог уплыть. Волны били в деревянные бока, солнце с любопытством заглядывало внутрь через металлическую сетку. А икринки покачивались себе на

волнах и грелись на солнце, пока из них не вылупливались маленькие-премаленькие личинки.

Они были в полной безопасности, эта икра и эти личинки, здесь, в своей комнатке-ящичке. Рыбы-хищники могли сколько угодно вертеться тут около и щёлкать зубами. Нет, не достать им было осетровых и севрюжьих детёнышей!..

Подрастали личинки в других, больших деревянных ящиках с водой во дворе станции. Тут они скоро делались крошечными рыбками-мальками.

Тогда их переселяли в цементные бассейны. Здесь воду гнали насосы, вода текла быстро — чтобы малькам казалось, что они на родине: в бурной реке. Другие насосы нагоняли в воду свежий воздух, чтобы малькам получше дышалось.

Кормили рыбок малюсенькими рачками, и рыбки ловили корм прямо на лету. Севрюжата и осетрята росли, крепли в своих рыбьих детских яслях и делались ловкими. Теперь воспитанники станции не погибнут ни в реке, ни в море!

Научный работник станции сказал:
— Сегодня как раз наши «выпускники» получают «аттестат зрелости» и уезжают домой, в море.

Мы с ним пошли к одному из бассейнов. Рыбок вылавливали сачками и выпускали в вёдра с водой. Вёдра ставили на катер.

Зафырчал мотор, и мы поплыли по реке. Везде кипела работа. Рыбаки ставили неводы, скрипели лебёдки, хлюпали рыбонасосы, на пристанях заводов бегали вагонетки...

И вот сверкнуло море. Какое оно широкое и синее! А над ним сияло и грело большое белое солнце. По волнам бегали блёстки от солнца, и каждая волна закруглялась кверху белыми завитушками — пеной.

Катер весело прыгал по волнам. И — раз, раз! — матросы стали опрокидывать в воду ведро за ведром.

Мальки расправляли плавники, взмахивали хвостами и уходили в море — гулять и резвиться на просторе. Пройдёт несколько лет, они вырастут во взрослых рыб и вернутся в реку метать икру.

— До свиданья! — кричали рыбкам вынянчившие их работники станции и махали вслед платками. — Растите побольше, возвращайтесь поскорее!..

СЕНТЯБРЬ 1950 ГОДА

Расул ГАМЗАТОВ

Сейчас звонки звенят разноголосо,
И входит в классы шумная семья, —
Ребята севастопольских матросов,
Танкистов сталинградских сыновья.

Они идут по солнечной дороге,
И солнце в их белесых волосах.
Но пусть теперь, на первом же уроке,
Расскажут им о воинах-отцах.

В их день рожденья, в грозном сорок третьем,
Отцы не прижимали их к груди.
Отцы годами шли навстречу детям,
Сквозь грозы видя счастье впереди.

Но в край родной пришли не все солдаты
В тот год, когда окончилась война.
И нынче носят многие ребята
Своих отцов погибших имена.

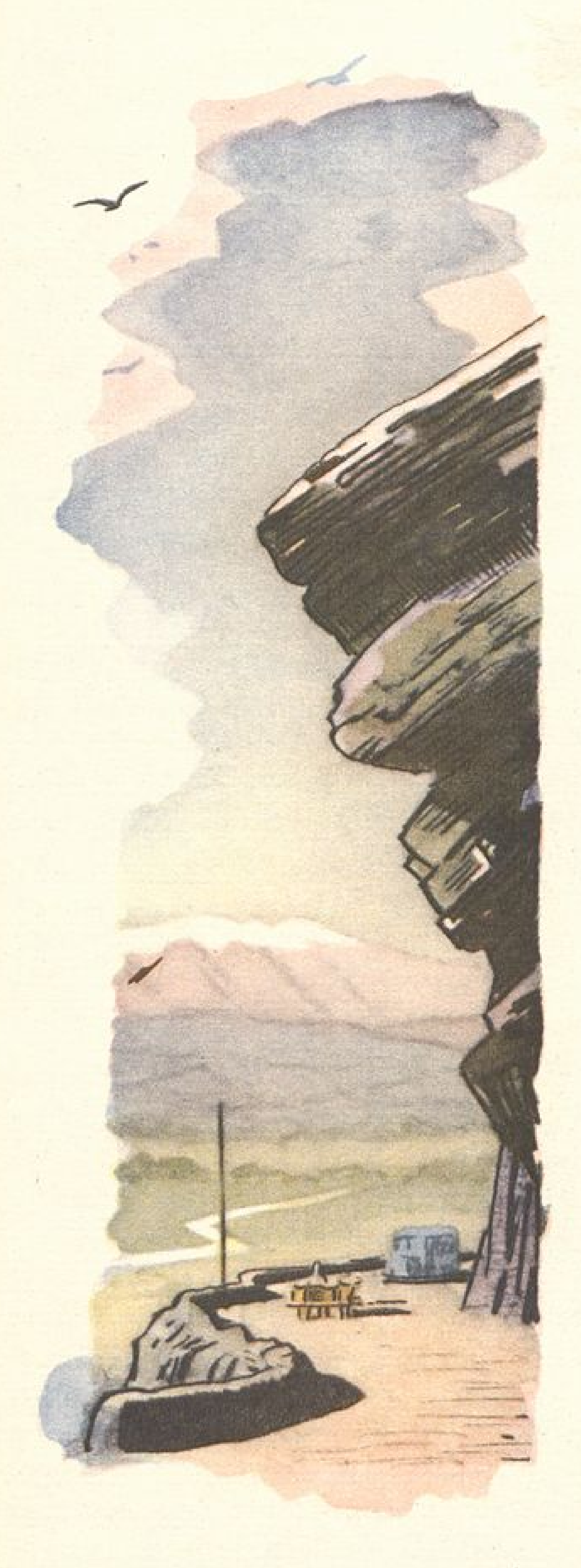
Как их отцы шагали по Европе
И были крепче танковой брони,
Пускай теперь, на первом же уроке,
Расскажут им, чтоб помнили они.

И враг пусть помнит:
У таких людей
Не может быть трусливых сыновей.

Перевёл с аварского Константин Ваншенкин

Машидат ГАИРБЕКОВА

МАЛЬЧИКИ В АРБЕ

По склонам, по кручам,
по горным отрогам,
взлетая, петляя,
кружится дорога.

Ползёт по дороге,
как тень облаков,
с арбою скрипучею
пара быков.

В арбе паренёк
абрикосы жуёт,
а сзади погонщик
неспешно идёт.

Другой мальчуган
их встречает в пути
и просит его
до Бухты подвезти.

Погонщик в ответ:
— До Бухты полверсты,
а впрочем, взбирайся —
корзины пусты!

Быки сторонятся,
заслышав сигнал...

Колхозный автобус
арбу обогнал!

Лишь ветром обдал
и умчался за скалы!..

А старый погонщик
шагает устало.

А двое мальчишек
в арбе на корзинах
затеяли спор
о быках и машинах.

И младшему старший
сказал сорванец:
— А ездит всех в мире
быстрей мой отец!

В минуту сюда
прокатил он меня,
а с вами обратно
проедешь полдня.
Он лучший шофёр
от Бухты до Буйнакска,
а с вашей арбой
только мука да тряска.

Лягушка быстрее
арбы этой вдвое...

И так, чтоб не слышал
старик за арбою,
добавил:
— Когда же
твой старый отец
с быками расстанется
наконец?

Не слышал погонщик
иль, может, смолчал,
но мальчик товарищу
так отвечал:

— Конечно, машина
быстрее намного.
И все же по нашим
по горным дорогам
машина не может
проехать везде.

Но дело не в этом,
а в том, чтоб в труде
был каждый старателен,
честен и скор:
погонщик быков,
полевод и шофёр.

— Отец твой стахановец —
это без спора,
но движутся быстро
не только шофёры!
Мой старый отец
вот на этих колёсах
возил на консервный завод
абрикосы.

В садах у колхоза
такой урожай,
что только его
собирать поспевай!

Везут и машины
его и быки,
корзины на спинах
несут ишаки...

И разве отцом
не гордится колхоз?
Я с ним абрикосов
три нормы отвёз.
Кто ж скажет, что медлит
старик мой в работе,
а кроме всего,
за семью он в почёте.

Не всех ли быстрее
свой поезд, скажи,
ведёт старший брат,
машинист наш Гаджи?

А разве Али,
наш нефтяник, отстал?
Он выполнил план годовой
за квартал!

А разве в работе
от них отстаёт
Анвар-агроном?
А Расул-полевод?!

Ведь нас у погонщика
пять сыновей,
известных народу
и родине всей!

А сёстры не только
своей красотой...

Но тут перебил его
старший:
— Постой!
О братьях ты правильно
мне говоришь,
но ты чем известен
народу, малыш?

И младший с дружком
разделил абрикос
и косточку старшему
преподнёс
и так отвечал:

— Не известен пока.
Но буду я скоро
летать в облака,
вести всех быстрей
самолёт над страной!
И ты не зевай —
так поспеешь за мной!

...По склонам, по кручам,
по горным отрогам
к аулу Бухты
убегает дорога.
На снежных вершинах
играют лучи...
Старик за арбою
сказал:
— Бахарчи![1]

Перевёл с аварского М. Максимов

---

[1] Бахарчи — молодцы, герои.

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. В. ТРОФИМОВА

БОБРЫ

Тихая лесная речушка. По берегам густые заросли болотных трав и кустов. Речушка совсем узкая, вроде ручья.

Но вот она расширяется в небольшой пруд. Его поддерживает плотина из сучьев и веток. Здесь вода разлилась по лесным низинам, образуя протоки и заводи.

В одной из таких заводей из воды виднеется похожая на обвалившийся шалаш куча наваленных друг на друга сучьев, а по берегам речки тут и там торчат пеньки «срубленных» молодых осинок и других деревцев.

Кто же мастерит здесь, в глухом заболоченном лесу? Это замечательные четвероногие строители — бобры.

Зубы у бобра очень острые. Он подгрызает ими даже толстые деревья, валит их, а потом отгрызает сучья, ветки, тащит в воду и перегораживает ими речку. А чтобы в щели не уходила вода, бобры конопатят илом плотину, который достают со дна.

Когда же вода поднимается, бобры начинают строить хатку. Они устраивают её на заболоченном берегу или где-нибудь на островке, на кочке посреди разлива.

Посмотришь на такую хатку, будто куча наваленных сучьев лежит. Зато внутри бобрового жилища очень уютно. Потолок и стены проконопачены, замазаны илом, а на земле — мягкая подстилка из болотных трав и тонких корешков.

А где же вход в это жилище? Его снаружи и не увидишь, он прорыт в земле, как тоннель, прямо из хатки в водоём, так что бобр может, не показываясь на поверхность, выходить из гнезда и плавать под водой, а потом тем же путём возвращаться обратно.

Бобр — настоящий водяной зверёк: на лапах у него перепонки, хвост плоский, как весло, и покрыт не шерстью, а будто рыбьей чешуёй. Мех у бобра густой и плотный. Он не пропускает воду к телу зверька, так что бобр может и зимою свободно нырять и плавать подо льдом в своей тёплой непромокаемой шубке.

По берегам и на дне водоёма бобр находит себе не только строительный материал для плотины и жилища, но и еду. Бобры едят разные водяные растения, а также кору и молодые побеги кустов и деревьев.

Летом бобру о еде заботиться нечего — её вдоволь хватает. А вот с наступлением осени зверьки принимаются готовить на зиму съестные запасы. Бобры затаскивают в воду под берега сучья и ветви подгрызенных ими деревьев. Наготовят побольше еды, тогда им и зима не страшна.

Подует холодный ветер, засыплет землю белый пушистый снег, крепким льдом покроются озёра и реки. А бобры сидят себе в своей хатке, там им тепло и ветер не дует. А захочется есть, спустятся через «тоннель» прямо под лёд в водоём, достанут из-под берега ветку и вместе с нею назад в хатку, в гнездо. Незачем и на поверхность земли на мороз выбираться. Так и сидят бобры всю зиму в своих убежищах до тёплых весенних дней.

Бобр — очень интересный зверёк. Но не подумайте, что он сознательно, как человек, строит плотины, хатки и запасает на зиму еду. Всё это бобры делают бессознательно, инстинктивно, так же, как птицы вьют гнёзда или пчёлы заготовляют в улье мёд. Это уже прирождённые, природные свойства этих животных.

Много сотен лет тому назад, когда в нашей стране не было ещё больших городов и селений, а на их месте шумели вековые леса, в те времена бобры водились у нас почти всюду по лесным речкам и озёрам.

Но постепенно в погоне за пушниной охотники всё дальше и дальше проникали в глубь лесов и всё больше и больше вылавливали бобров из-за их ценного красивого меха. Бобрам грозило полное истребление, так как в старое, дореволюционное время никто не заботился об их охране.

Зато в наши дни мы переделываем природу так, как это нам нужно. Мы разводим полезных животных, подкармливаем и бережно охраняем их. В наших лесах, горах и степях организованы сотни заповедников и охотничьих хозяйств, где разводятся ценные звери и птицы.

И вот через сотни лет, по воле человека, бобры вновь широко расселились повсюду в нашей стране.

Рис. Е. РАЧЁВА

ЗВЕРИНЫЙ ЯЗЫК

Болгарская народная сказка

Жил-был Генчо-пастух, и было у него три печали-горести. Первая печаль — всю жизнь он на хозяина работал, а себе добра не нажил, вторая печаль — волки у него овец в стаде резали, а третья печаль — жена его, старуха, любопытством его донимала, и порой не было ему, бедному, житья!

Вот пошёл он однажды в лес и чует — откуда-то гарью тянет. Поглядел он и видит: горят кусты, трава тлеет, а на кочке моховой среди огня Золотая Змейка вьётся, корчится, выхода ищет, а выхода-то и нет — со всех сторон огонь.

И вдруг говорит Золотая Змейка человечьим голосом:

— С-с-с-паси меня, если у тебя сердце доброе!

Сердце у Генчо было доброе — протянул он ей свой посох, а Змейка сразу вползла к нему на плечи и вокруг шеи обвилась.

Испугался Генчо немного и спрашивает:

— Ты меня уж не укусить ли собираешься?

— Нет, — отвечает Змейка, — не бойся. Только уж если начал дело доброе — доканчивай: отнеси ты меня к моему отцу! Он над всеми змеями набольший, он тебя наградит.

Понёс Генчо Змейку по лесной тропинке, куда она ему указала, и говорит ему Змейка:

— Не проси, не бери ты в награду ни серебра, ни золота, ни каменьев драгоценных! Проси только шипу змеиного, языку звериного — будет тебе от того счастье большое!

Пришли они к тайному месту посреди лесной чащи, и видит Генчо: стоят ворота, из живых змей сплетены. Посвистела, пошипела Золотая Змейка по-своему, распахнулись ворота на обе половинки, и открылся тайный ход прямо в змеиное царство. Стали они туда спускаться. Сперва всё темно было, потом свет забрезжил. А как дошли до поворота, совсем светло стало, и открылся им золотой дворец красоты неописанной.

А Большой Змей на пороге их встречает, чуть не плачет от радости.

Рассказала ему Золотая Змейка всё, что приключилось. Большой Змей и говорит Генчо:

— Проси у меня, чего хочешь! Хочешь, сделаю я тебя первым богачом во всём государстве?

— Нет, — отвечает Генчо, — не надо мне богатства! Богач сладко ест, да плохо спит, всё за своё добро трясётся! А я спать люблю крепко — мне сны хорошие снятся!

— Тогда хочешь, я тебя царём сделаю, будешь всем царством править? — спрашивает Змей.

— Нет, — отвечает Генчо, — царя люди клянут, лихим словом поминают!.. Уж коли задумал ты меня наградить, научи меня шипу змеиному, языку звериному!

— Хорошо,—говорит Большой Змей, — не будет тебе отказу! Только знай: тайна эта большая! Если проболтаешься, хоть полсловечком себя выдашь, в тот же самый миг придёт твой смертный час.

— Не из болтливых я, — отвечает Генчо.

— Ну, тогда, — говорит Змей, — должен ты со мной три раза поцеловаться и будешь отныне знать-понимать шип змеиный, язык звериный!

Поцеловал Генчо три раза Большого Змея в пасть его змеиную, распрощались они, и пошёл Генчо домой.

Идёт он по лесу — и сердце у него радуется. Слышит он, о чём пташки в небе поют, о чём белки на ветках стрекочут, о чём пчела на цветке жужжит, и каждое слово понимает. Дошёл он до хозяйского поля. В том поле дуб стоял. А на дуб два ворона сели и заспорили, кто из них старше.

Первый ворон говорит:

— Я старше тебя: я знаю, где царя Траяна схоронили!

А второй ворон отвечает:

— Нет, я старше тебя: я знаю, где царь Траян клад схоронил!

Первый спрашивает:

— Где?

А второй отвечает:

— А вот на этом самом месте!

Генчо весь разговор-то понял, да и место заприметил. Сходил он домой, принёс лопату и выкопал клад несметный. Пошёл он к хозяину и отдал ему клад: не хотел он богатства. А хозяин на радостях подарил ему земли клочок, да коней пару, да овечек стадо, и стал Генчо сам себе хозяин. Сам он в поле работал, сын его в горах овец пас, а старуха пироги пекла да мужа бранила, а он всё отмалчивался. Как старуха ни билась, ни выпытывала, откуда он про клад узнал, не сказал он ей об этом ни полсловечка.

Вот жили они, жили, и собрался Генчо на пастбище — сына проведать. Сел Генчо на коня, а жена его, старуха, на кобылу, и поехали. Только конь всё вперёд вырывается, а кобылка отстаёт. И слышит Генчо, конь над кобылицей подсмеивается:

— Ты что же отстаёшь?

А кобылка отвечает:

— Хорошо тебе ржать! Хозяин-то худ, а в хозяйке семь пуд!

Услыхал Генчо эти слова и как засмеётся!

А старуха спрашивает:

— Ты чего?

А он, не подумав, возьми да и брякни:

— Это я над конём да над кобылкой!

А старуха спрашивает:

— Что ж ты в них смешного нашёл?

А Генчо уже спохватился да поскорее язык и прикусил:

— Да нет, говорит, это я так — смешинка в рот попала!

Вот приехали они под вечер на пастбище, поужинали и спать легли. А кругом волки воют. Слышит Генчо, воют волки, разговаривают:

— У-у-у! У-у-у! У-у-уговор, собаки, помните? Вы нас не троньте: мы трёх овец зарежем, двух себе возьмём, а третью вам оставим — жирную-ю-у-у!

А стадо стерегли три собаки. Две молодые, здоровые, а третий пёс — старый-престарый. Всю жизнь он Генчо служил и за его добро со всеми грызся, так что у него только два зуба остались — один сверху, один снизу. И сын Генчо, пастух, молодых собак кормил досыта, а старому псу одни объедки доставались, кости сухие — ему и не угрызть.

И вот молодые собаки волкам отвечают:

— Гам! Гам! Ладно, волки! Мы брехать будем, гам-гам-гам поднимем, а вас не тронем. Только вы нам овечку пожирней оставьте! Вы нам — мы вам! Вы нам — мы вам!

А верный старый пёс говорит:

— Я вам! Я вам, серые разбойники! Только троньте хозяйских овец! У меня ещё два зуба остались — задам я вам! Я вам!

Понял тут Генчо, отчего у него овцы пропадали. Сам встал и сына поднял, разогнали они волков и всю ночь сами стадо стерегли. А утром Генчо сыну говорит:

— Молодых собак надо на живодёрню отвести, новых заведём, а старого пса я к себе на двор беру — пусть отдохнёт да отъестся, а то от него тут одна кожа да кости остались!

Пёс визжит от радости, прыгает вокруг Генчо, руки ему лижет. А старуха говорит:

— Тут дело нечисто! То ты клад нашёл, то над конём да кобылкой смеялся, а теперь новое дело удумал: здоровых собак, молодых на живодёрню вести, а старого пса к себе на двор! Это ты неспроста! У тебя какой-то секрет есть!

Генчо молчит. А она не отстаёт. Всю дорогу пилила да зудила: расскажи да растолкуй. Домой приехали — опять зудит да пилит: растолкуй да расскажи!

И так она его одолела, что сказал ей Генчо:

— Милая моя жёнушка! Верно, есть у меня один секрет, да никак я его открыть не могу, потому что если хоть полсловечка скажу, сразу настанет мой смертный час!

Ну, тут старуха еще пуще вздурила! Совсем любопытство её одолело! То зудила да пилила, а тут прямо поедом его ест!

Генчо и думает: «Скажу — помру, а не скажу — все равно она меня загрызёт!»

Вот и сказал он ей:

— Милая моя жёнушка! Так и быть — видно, придётся мне свою тайну открыть. Только верь: помру я в тот же самый час. Надо будет меня похоронить честь-честью, поминки сделать, соседей позвать. Иди пеки пироги, обед поминальный готовь, а я тем временем себе гроб сколочу!

Старуха рада-радёхонька: как же, секрет сейчас узнает! Побежала она тесто ставить, а Генчо молотком стучит, гроб себе сколачивает.

Слышал всё это старый верный пёс, сидит он грустный-прегрустный, на хозяина глядит жалостно. Пожалел Генчо пса, кинул ему хлеба кусок, а пёс вздохнул и отвернулся — даже нюхать не стал.

А в это самое время проходил по двору петух. Увидел он хлеб, подскочил живёхонько и давай клевать.

Вот старый пёс и говорит петуху:

— Бесстыжий ты обжора! Хозяин наш умирать собирается, а тебе только бы зоб набивать! Уходи отсюда, пока я тебя не укусил: мне на твою жадность глядеть противно!

Удивился петух:

— Как, как, как умирает? По какому случаю?

Пёс ему всё и рассказал, о чём Генчо со старухой говорили.

Петух слушал, слушал, да и говорит:

— Кукареку! Туда и дорога дураку!

Пёс зарычал:

— Это ты про хозяина? Да я тебя разорву!

А петух говорит:

— Ты не бесись. А как иначе про него скажешь? Старуха дурит, а он, чем её в разум привести, сам в петлю лезет! Это ж курам насмех!

Слышит это Генчо, а сам и думает: «А ведь петух — он дело говорит! И верно, курам насмех». И кричит он старухе:

— Готовы ли пироги?

— Готовы, готовы, — отвечает жена.

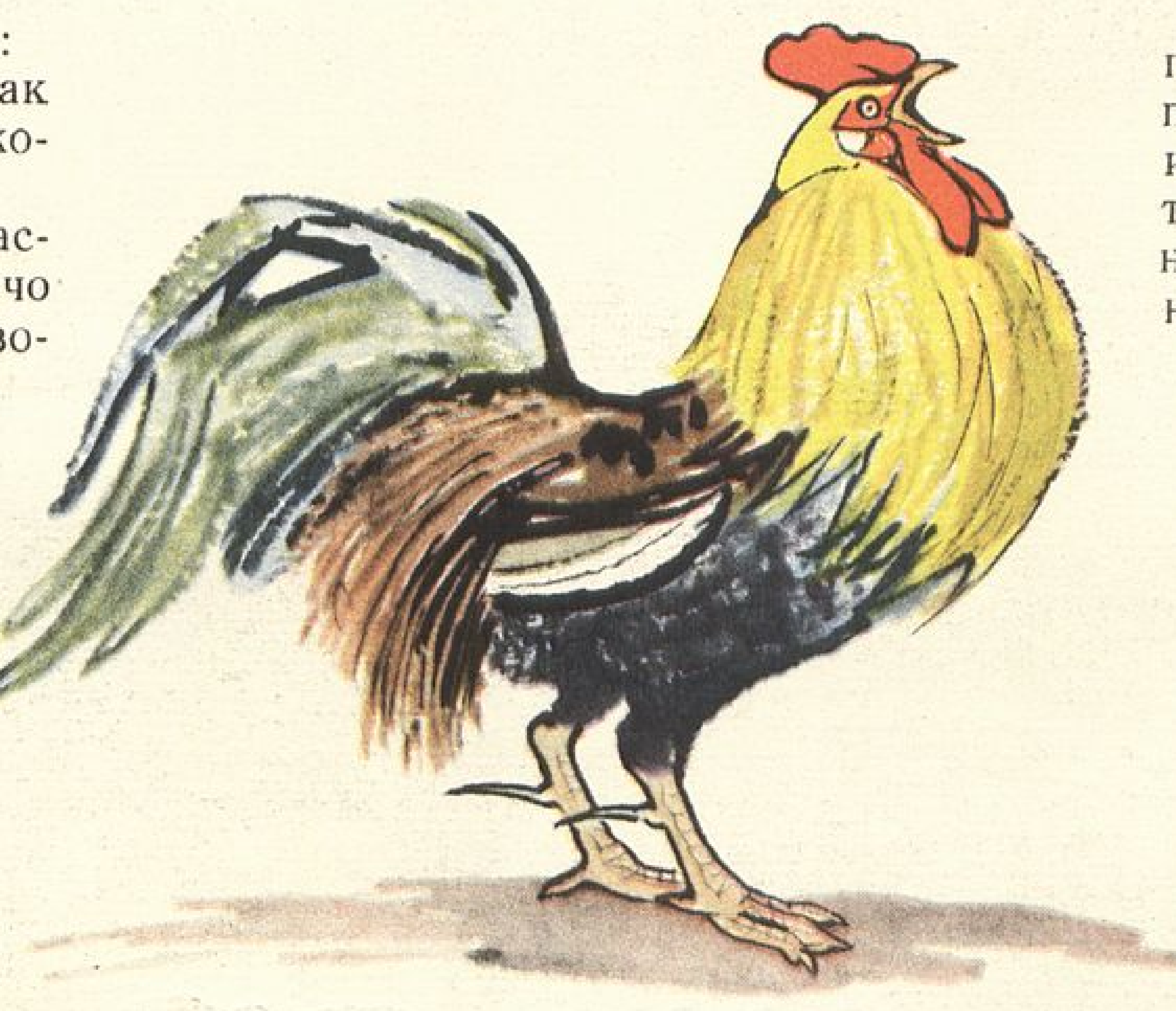
— Ну, тогда обедать давай!

— А секрет-то какой?—говорит старуха.

— А секрет мой такой: будешь спрашивать, что тебя не касается, — услышишь то, что тебе не понравится!

А старуха была догадлива: ни о чём больше и спрашивать не стала.

Перестала с тех пор она его любопытством донимать, и зажил с ней Генчо так счастливо, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Пересказал Борис Вест

Рисунок на обложке А. ЕРМОЛАЕВА

Художественный редактор П. Попов *Рукописи не возвращаются* *Техн. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать седьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06 Подписано к печати 29|VIII 1959 г. А05771.

2,8 уч.-изд. л. Бумага $60\times92^{1}/_{8}$ = 1,5 бум. л. — 3 печ. л. Тираж 200 000 экз. Заказ 1536

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО